

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	7
Введение. Тамиздат как литературная практика и политический институт	12
Что такое тамиздат?	13
Сокращение дистанции	23
Исторические прецеденты тамиздата	33
Тамиздат от оттепели до застоя	50
Глава 1. «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына дома и за границей	65
Под знаком Солженицына (1961–1962)	66
«Иван Денисович» и границы допустимого	79
«Иван Денисович» и социалистический реализм	87
Соцреализм на другом берегу: Запад читает Солженицына	104
Глава 2. Анна Ахматова и оттепель: «Реквием» за границей	122
Предыстория: «Поэма без героя»	127
«Реквием» выходит из подполья	138
«Реквием» на Западе	145
Ахматова и русская эмиграция: эпитафия к «Реквиему»	163
Глава 3. «Софья Петровна» и «Спуск под воду» Лидии Чуковской: художественные свидетельства сталинского террора	185
«Софья Петровна»: попытки публикации на родине	188
«Софья Петровна» и (социалистический) реализм	200
«Софья Петровна» за границей	204
«Софью Петровну» читают на Западе	216
«Спуск под воду» и за границу	225

Глава 4. «Колымские рассказы» Варлама Шаламова:	
ГУЛАГ в поисках жанра	255
«Колымские рассказы» в «Новом журнале» (1966–1976)	257
Мандельштамовский цикл Шаламова (отступление)	266
«Колымские рассказы» в «Новом журнале» (продолжение)	275
Письмо Шаламова в «Литературную газету» (1972)	279
Шаламов, Солженицын и конец романа	290
Первое книжное издание «Колымских рассказов» (1978)	300
Эпилог. Тамиздат-проект Абрама Терца	316
Источники и литература	341
Указатель имен	364

БЛАГОДАРНОСТИ

В речи «Памяти Карла Проффера» (1984) Иосиф Бродский заметил:

Обычно, когда человек читает книгу, он редко думает об издателе: благодарность достается автору. Однако специфика русской истории сделала издателя не менее важной фигурой, чем писателя; она привела к значительному сокращению этого различия — при неблагоприятных условиях с различиями такое случается¹.

Именно издатели «контрабандной» русской литературы вдохновили меня написать эту книгу, пусть я и не всегда согласен с их идеологическими установками и редакторскими практиками.

Замысел книги на эту тему возник в 2012 году, когда я вел в Уильямс-колледже семинар «Русская литература за решеткой». Я признателен Лисандру Йаффе, моему студенту, первым заметившему странные несоответствия между двумя английскими переводами рассказа Варлама Шаламова «Заклинатель змей», один из которых был сделан в 1980-е годы Джоном Глэдом, а другой значительно позднее Робертом Чандлером². Работа Лисандра заставила меня пуститься

¹ *Бродский И.* Памяти Карла Проффера / Пер. с англ. О. Ворониной под ред. А. Сумеркина // Звезда. 2005. № 4. С. 122–125; <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/4/pamyati-karla-proffera.html>; *Brodsky J.* In Memory of Carl Proffer // Joseph Brodsky Papers. Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. Gen Mss 613. Box 123. Folder 2772.

² *Jaffe L.* ‘Writing as a Stranger’: Two Translations of Shalamov’s ‘The Snake Charmer’ // <https://shalamov.ru/en/research/207/>.

в путешествие по архивам и библиотекам, сулившее пролить свет на невероятные и почти никем еще не описанные приключения русской литературы, которую контрабандой вывозили из Советского Союза для публикации за рубежом.

Начал я с архива в Амхерсте, штат Массачусетс: Стэнли Рабиновиц, в те годы директор Центра русской культуры Амхерст-колледжа, способствовал моим изысканиям, которым сопутствовали наши беседы о тамиздате и его сюжетах. В Амхерсте мне также посчастливилось обсудить эти темы с Уильямом и Джейн Таубман, Кэтрин Чипиелой, Викторией Швейцер, Полиной Барсковой и другими коллегами из Пяти колледжей.

В 2014–2016 годах исследовательская стипендия Фонда Александра фон Гумбольдта позволила мне работать с архивами в Центре восточноевропейских исследований (Forschungsstelle Osteuropa) в Бремене, Германия. Я благодарю директора Центра Сюзанну Шаттенберг за гостеприимство и архивистку Марию Классен — за помощь. Мое пребывание в Бремене не было бы столь запоминающимся, если бы не интереснейшие беседы с Габриэлем Суперфином, а также с Татьяной Двинятиной, Николаем Митрохиным, Мануэлой Путц и Феликсом Херманом. Я глубоко признателен Лазарю Флейшману, в 2011 году познакомившему меня с бременскими архивами и сотрудниками Центра. В 2015 году, благодаря той же стипендии, я смог работать и с другими европейскими архивами, в частности в Библиотеке современной международной документации в Нантере и в архивах польского «Литературного института» в Мезон-Лаффите, пригороде Парижа. Я глубоко признателен Клэр Немкофф (Нантер) и Анне Бернхардт (Мезон-Лаффит), содействовавшим мне в архивной работе.

Первостепенными для моих исследований тамиздата и, шире, русской эмиграции оказались Библиотека редких книг и рукописей Бейнеке в Йельском университете и архив Гуверовского института при Стэнфордском университете — оба университета предоставили мне стипендию. Я сердечно признателен Эллисон Ван Ри и Эдвину Шрёдеру, бывшему директору библиотеки Бейнеке, а также Кэрол

Лиденхэм — за разрешение опубликовать находки из уникальной коллекции Глеба Струве в Стэнфорде. Я также выражаю признательность Тане Чеботаревой, куратору Бахметевского архива Колумбийского университета, Анне Гавриловой и Сергею Соловьеву, познакомившими меня с некоторыми источниками из Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), и Павлу Трибунскому из Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына в Москве — за помощь и содействие.

Хотя многие идеи и предварительные публикации на эту тему появлялись ранее, сама книга была написана в 2016 году, когда я начал работать в Хантер-колледже Городского университета Нью-Йорка. Именно здесь мой проект был принят с наибольшим энтузиазмом. Прежде всего я хочу поблагодарить своих студентов и коллег по Хантер-колледжу и Аспирантскому центру университета. Все главы этой книги читались и подробно обсуждались в Хантер-колледже на семинаре по академическому письму, которым руководили Роберт Коуэн и Эндрю Полски, декан Школы гуманитарных и естественных наук. Именно в Хантер-колледже мне в декабре 2018 года удалось организовать международную конференцию и книжную выставку «Тамиздат: публикация русской литературы в годы холодной войны» (*Tamizdat: Publishing Russian Literature in the Cold War*) при поддержке Института Гарримана (Колумбийский университет) и кафедры русистики и славистики Нью-Йоркского университета. Я благодарен Полине Барсковой, соорганизатору конференции, и Алле Ройленс, вместе со мной курировавшей выставку, за их идеи и деятельную помощь. Я благодарю также гостей и участников конференции: Ольгу Матич, Рональда Мейера, Элизабет Божур, Надю Питерсон, Катерину Кларк, Росена Джагалова, Ольгу Воронину, Филипа Глейсснера, Эрину Мегован, Энн Комароми, Илью Кукуя, Бенджамина Натанса, Джесси Лабов, Шивон Дусетт, Ирену Грудзинскую-Гросс, Робин Фойер Миллер, Майкла Скаммелла, Павла Литвинова, Ирину Прохорову и Эллендею Проффер Тисли. Три года спустя благодаря героическим усилиям Ильи Кукуя материалы конференции о тамиздате

вышли отдельным сборником¹. Там же, в Хантер-колледже, зародился Tamizdat Project — проект, посвященный изучению запрещенных книг из бывшего СССР и Восточной Европы². Я благодарю Нью-Йоркскую публичную библиотеку и Богдана Хорбала, куратора отдела славянских и восточноевропейских коллекций, который предоставил мне доступ к ценным базам данных и щедро делился своими соображениями о тамиздате как библиотекарь.

Как руководитель Tamizdat Project я выражаю благодарность всем волонтерам, а также Национальному фонду гуманитарных наук за предоставленную в 2020 году летнюю стипендию, позволившую мне привлечь внимание к проекту и теме тамиздата студентов со всего мира. С декабря 2020-го по август 2021 года Институт Кеннана при Центре Вильсона предоставил мне стипендию Джеймса Биллингтона, благодаря которой я смог закончить работу над этой книгой.

Фрагменты книги были представлены на многочисленных конференциях, выездных лекциях и других мероприятиях, организаторам, другим участникам и слушателям которых я бесконечно благодарен: Борису Беленкину, Бируте Вагриене, Томашу Гланцу, Николь Гоник, Диане Гор, Елене Земсковой, Елене Калински, Питеру Кауфману, Энн Комароми, Илье Кукулину, Беттине Лернер, Марку Липовецкому, Мише Мельниченко, Елене Михайлик, Елене Островской, Татьяне Поздняковой, Нине Поповой, Мэтью Рожански, Ирине Сандомирской, Клавдии Смоле, Алексу Спектору, Леоне Токер, Заре Торлоне, Паоло Фасоли, Эдвину Фрэнку, Матвею Янкевичу и многим, многим другим.

Эта книга была бы немыслима без часов, дней и лет, проведенных в беседах с Томасом Венцловой, который открывал для меня мир книг, когда я был его аспирантом в Йельском университете, и с тех пор остается для меня неиссякаемым источником знаний и вдохновения.

¹ Tamizdat: Publishing Russian Literature across Borders / Ed. Y. Klots. Special issue of Wiener Slawistischer Almanach. 2021. Vol. 86.

² Tamizdat Project: запрещенные книги из СССР и Восточной Европы в электронном архиве документов (1956–1991) // <https://tamizdatproject.org/ru>.

Наконец, эта книга не была бы написана, если бы не любовь и поддержка моих друзей: Полины Барсковой, Макса Паскаря, Юлии Вольфович, Норы Горчевой, Росена Джаглова, Дениз Маркес, Анны Нижник, Александра Пау Сориа, Романа Уткина, Росса Уфберга, Барбары Харшав и Грегорио. Этой книгой я обязан своей маме — под стук ее пишущей машинки я засыпал ребенком, не зная, конечно, что она тайком печатает и зачем; эта книга — запоздалый ответ на вопрос моего дяди, из года в год интересовавшегося, как продвигается моя рукопись. Мой сын, тогда еще подросток, так привык обсуждать ее со мной за ужином, что «Пхенц», инопланетянин из рассказа Абрама Терца, стал для нас своего рода кодовым словом и едва ли не членом семьи.

В этой книге переработаны и дополнены фрагменты ранее опубликованных статей:

Tamizdat as a Practice and Institution // Tamizdat: Publishing Russian Literature across Borders / Ed. Y. Klots. Special issue of Wiener Slawistischer Almanach. 2021. Vol. 86. P. 9–23;

Lydia Chukovskaia's *Sofia Petrovna Is Going Under* and Abroad // Tamizdat: Publishing Russian Literature across Borders / Ed. Y. Klots. Special issue of Wiener Slawistischer Almanach. 2021. Vol. 86. P. 87–118;

Tamizdat a Literary Practice and Political Institution // The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture / Ed. M. Lipovetsky, I. Kujuk, T. Glanc, K. Smola. New York: Oxford University Press, 2021;

Varlam Shalamov between Tamizdat and the Soviet Writers' Union (1966–1978) // Russia — Culture of (Non)Conformity: From the Late Soviet Era to the Present. Special issue of Russian Literature 86–98C / Ed. K. Smola, M. Lipovetsky. 2018. P. 137–166;

From Avvakum to Dostoevsky: Varlam Shalamov and Russian Narratives of Political Imprisonment // Russian Review. January 2016. Vol. 75. № 1. P. 1–19.

Я благодарю редакторов этих публикаций за разрешение их использовать.

Особая благодарность — обоим рецензентам моей рукописи и Эми Фарранто из *Cornell University Press*, стараниями которой эта книга увидела свет по-английски. Наконец, моя безмерная благодарность Ирине Прохоровой за идею издать ее по-русски в «Новом литературном обозрении», Татьяне Пирусской — за перевод и Анне Беспятым — за редактуру перевода и всестороннюю помощь в осуществлении этого замысла.

Введение

ТАМИЗДАТ КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПРАКТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

В начале 1920-х годов известный критик-формалист Виктор Шкловский, наблюдая жизнь русской литературной диаспоры в Берлине и размышляя, вернуться ему в Россию или остаться в изгнании, сетовал:

Бедная русская эмиграция!

У нее не бьется сердце.

<...>

Мы заряжены в России, а здесь только крутимся, крутимся и скоро станем.

Свинцовые листы аккумуляторов обратятся в одну только тяжесть¹.

Эта книга — попытка переосмыслить предчувствия Шкловского, поместив их в другой исторический контекст, то есть исследовать модели передвижения, первых публикаций и восприятия за рубежом рукописей, контрабандой вывезенных из Советского Союза в 1950–1980-е годы — с хрущевской оттепели и до окончания брежневского застоя. С того времени, как Шкловский жил в Берлине, тексты, созданные в России, где им, однако, было отказано в публикации, продолжали задавать ритм «сердцу» русской литературной диаспоры.

¹ Шкловский В. Б. Зоо, или Письма не о любви // Шкловский В. Б. Жили-были. М.: Сов. писатель, 1964. С. 196. Шкловский не случайно использует слово «листы», переводя метафору в литературный план (например, листы книги или рукописи).

Но в послесталинские годы они служили еще и оружием на культурных фронтах холодной войны, обнажая географический, стилистический и идеологический раскол между двумя, казалось бы, несопоставимыми, но все же тесно переплетенными ветвями русской литературы — в России и за рубежом, — разлом, возникший в результате политических потрясений первой половины XX века. Эта книга, рассказывающая о зарубежных публикациях рукописей, пересекавших советскую границу, а также об их возвращении на родину в печатном виде, посвящена истории литературных отношений между издателями, критиками и читателями на Западе с писателями в России, в чьих контрабандных текстах зачастую раскрывается динамика этого непростого взаимодействия. Это культурная история «аритмии» русской литературы по разные стороны железного занавеса, вызванной политическими событиями и диагностируемой по эстетическим и социокультурным симптомам, связанным с рассеянием текстов по разным географическим и часовым зонам.

Что такое тамиздат?

Образованный по аналогии с сокращениями «самиздат» и «госиздат», «тамиздат» означает публикацию «там», то есть за границей. Представляя отвергнутые, урезанные цензурой или вовсе не предлагавшиеся для публикации на родине рукописи, которые теми или иными путями были тайно вывезены за границу и напечатаны в другой стране с ведома или без ведома и согласия автора, тамиздат в значительной мере сформировал русский литературный канон XX века: достаточно сказать, что едва ли не большая часть произведений классической русской литературы того времени впервые была издана «там», задолго до того, как ее, уже во время или после перестройки, напечатали в России. Как будет показано в главах этой книги, тамиздат служил посредником в отношениях между находившимися в СССР авторами и советским литературным истеблишментом, с одной стороны, и с нонконформистским андеграундом — с другой, тогда как сама перспектива публикации за рубежом, не говоря

уже о последствиях подобного рода трансгрессии, не могла не влиять на идеологическую позицию авторов. Следовательно, тамиздат как практика и институт был не менее знаковой составляющей русской литературы после Сталина, чем более привычные и лучше изученные внутренние явления — самиздат и госиздат. Цель этого исследования — переосмыслить традиционное представление о позднесоветской культуре как об оппозиции между официальным и андеграундным «полями», представив ее как транснациональную, динамичную и трехмерную систему.

И исторически, и терминологически «тамиздат» моложе «самиздата» — неологизма, восходящего к «самодельным» поэтическим сборникам Николая Глазкова, составленным еще в 1940-е годы: автор печатал их на собственной пишущей машинке, а на титульных страницах этих скрепленных вручную экземпляров значилось «самсебяздат» — пародийный намек на стандартные аббревиатуры «госиздат», «гослитиздат» и тому подобные, неизменно украшавшие допущенные к печати издания в Советской России. В конце 1950-х годов Глазков получил официальное признание как поэт, но избретенная им практика, метко обозначенная неологизмом «самсебяздат», впоследствии сократившимся до «самиздата», стала настоящим символом истории русской литературы в XX веке¹. Но если под самиздатом подразумевают написанный от руки или отпечатанный на машинке текст, распространяемый внутри страны без официального разрешения в относительно узком кругу посвященных читателей, которые, в свою очередь, копируют его и передают другим, тамиздат — это текст со всеми формальными атрибутами печатного издания, опубликованный за рубежом после того, как он, то есть рукопись или машинопись, пересек

¹ Последняя «подпольная» публикация Глазкова датируется 1959 годом, когда он напечатал пять стихотворений в первом номере самиздатовского журнала «Синтаксис», выпускаемого Александром Гинзбургом. «Синтаксис» впервые опубликован за границей в журнале «Грани»: Грани. 1965. № 58. С. 95–193. О Глазкове см., например: Лосев Л. Крестный отец самиздата // Лосев Л. Меандр: Мемуарная проза. М.: Новое издательство, 2010. С. 289–292.

границу страны происхождения. Чтобы считаться тамиздатом, текст должен оказаться в зарубежной литературной юрисдикции (по крайней мере до тех пор, пока не вернется на родину напечатанным), где он начинает новую жизнь. В узком смысле тамиздатом называют тексты, пересекшие государственную границу дважды: туда — в виде рукописи и обратно — уже как печатное издание. Такова судьба всех исследуемых в этой книге текстов (за исключением «Одного дня Ивана Денисовича», роли которого в утечке других рукописей, в том числе рукописей самого Солженицына, за рубеж посвящена первая глава).

В путешествие контрабандной русской литературы туда и обратно, за границу и снова на родину, сначала в виде рукописи, а затем в виде печатного издания, было вовлечено множество участников: автор, чье имя могло значиться или не значиться на обложке и титульной странице вне зависимости от того, осуществлялась ли публикация с его ведома и согласия; один или несколько посредников и контрабандистов, переправлявших рукопись за границу собственноручно или с дипломатической почтой, зачастую при содействии друзей автора либо иностранных дипломатов, находившихся в СССР и обладавших почтовыми привилегиями; редактор, получавший рукопись, когда она пересекала границу, и готовивший ее к публикации в своем или чужом издательстве или периодическом издании; критики, в том числе русские эмигранты, западные слависты, ученые и журналисты; эмигранты и западные читатели — как правило, первая аудитория «беглых» рукописей; еще один посредник-контрабандист (аспирант или ученый, ехавший в СССР по обмену, журналист и т. д.), тайком провозивший печатное издание обратно в Советский Союз через каналы посольства или как-то иначе, с авторским гонораром или без; наконец, читатель на родине, который мог быть уже знаком с этим текстом по самиздату (или даже по более ранней публикации в госиздате).

Таким образом, тамиздат сочетал в себе элементы официального и неофициального издания, поскольку наделял легальным статусом рукопись, запрещенную или не допущенную к официальному распространению на родине. Хотя

этимологически слово «тамиздат» может казаться вполне невинным, указывая лишь на то, что произведение опубликовано «там», а не «здесь», где было написано, свою политическую функцию тамиздат полностью выполнял, лишь когда текст возвращался к автору и читателям на родине, завершая цикл. Именно эта характеристика тамиздата превращала его в барометр политического климата холодной войны. В зависимости от того, на каком счету автор был у советской власти, от идеологической позиции и репертуара зарубежного издательства и его источников финансирования, международной обстановки в целом и отношений между двумя странами в частности, тамиздатовская публикация нередко сильнее подставляла автора беглой рукописи под удар, чем если бы тот же текст не проскользнул за рубеж, а остался бы циркулировать внутри страны в самиздате. Действуя по разные стороны границы, самиздат и тамиздат дополняли друг друга и в конечном счете должны были объединиться, образуя еще более действенную систему, позволявшую нонконформистской русской литературе находить путь, пусть и окольный, к читателю.

Однако отличительный признак тамиздата — географический, а не политический, так как атмосфера холодной войны размывала грань между политическим и художественным. А проводить границу между официальной литературой и андеграундом, включая сам- и тамиздат, по критерию художественной ценности или «качества» сегодня едва ли уместно, сколь бы естественным и соблазнительным такой критерий ни казался несколько десятилетий назад, когда Дмитрий Пospelовский, автор одной из первых статей о тамиздате, писал, что

в самиздате и тамиздате распространяются лучшие писатели и поэты — как живые, так и уже умершие — советской эпохи, тогда как почти вся продукция современного им госиздата — в лучшем случае серая посредственность¹.

¹ *Pospelovskiy D. From Gosizdat to Samizdat and Tamizdat // Canadian Slavonic Papers. March 1978. Vol. 20. № 1. P. 44–45. В противовес устаревшему*